

И. Порфирьев

История русской словесности

Часть 2. Отд.2

УДК 304
ББК 60.5
И11

И11 **И. Порфирьев**
История русской словесности: Часть 2. Отд.2 / И. Порфирьев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 422 с.

ISBN 978-5-458-01082-5

Новый период. Литература в царствование Екатерины II.

ISBN 978-5-458-01082-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

энциклопедическая форма науки и литературы; название „энциклопедической“, данное этой умственной и литературной дѣятельности, по главному ея органу „Энциклопедіи“, кажется, всего лучше и можетъ характеризовать ее. Эта философія-литература обыкновенно называется французской философіей; но Франція была не столько изобрѣтательницей, сколько распространительницей ея. Корни идей философіи XVIII в. лежатъ глубже, въ томъ умственномъ движеніи Европы, которое началось еще со времени реформаціи и прежде всего развилось въ Англіи и Голландіи. Въ Англіи, послѣ философской реформы Бэкона и великихъ открытій Ньютона и другихъ ученыхъ, при быстромъ развитіи физико-математическихъ и естественныхъ наукъ и особенно опытной философіи Локка, во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности явились новыя идеи, религіозныя, ученныя, государственныя и общественныя. Въ сферѣ религіозно-правственной здѣсь развился деизмъ (естественная религія разума) и тѣсно связанное съ нимъ ученіе нравственной философіи, или ученіе моралистовъ, выразившіеся въ сочиненіяхъ Коллинза (род. 1676 г. Разсужденіе о свободномъ мышленіи), Лайонза (О непогрѣшимости человѣческаго разума), Толанда (1670—1722; Христіанство безъ тайнъ, Пантеистиконъ), Шафтсбери (1670—1713; Исслѣдованіе о добродѣтели, Моралистъ), Болинброка (ум. 1751), Гютчсона (ум. 1747), Фергюсона (ум. 1876) и др.; въ философіи и наукѣ вообще изъ сочиненій Локка (1632—1704; Опытъ о познавательной способности человѣка, Письма о религіозной терпимости, Книга о воспитаніи) развился сенсуализмъ, перешедшій потомъ въ матеріализмъ и съ особенною полнотою выразившійся въ сочиненіяхъ французскаго философа Кондильяка (ум. 1780), который въ своемъ трактатѣ о чувстваваніяхъ источникомъ всѣхъ идей и познаній поставилъ чувственное ощущеніе (*juger est sentir*); въ области политической явились новыя идеи о государствѣ и государственномъ устройствѣ, о законодательствѣ и управленіи; въ области педагогической, въ наукѣ о воспитаніи и образованіи, новая теорія воспитательная, основанная на указанныхъ Локкомъ (книга о воспитаніи) началахъ природной простоты и свободы. Голландія и Швейцарія, какъ самыя свободныя страны, слѣдвались первымъ и главнымъ пристанищемъ этихъ новыхъ идей. Въ Нидерландахъ поселился скептикъ Бейль († 1706) и въ своемъ „Историко-критическомъ словарѣ“ первый началъ указывать разные недостатки въ области религіи, науки и государства. Потомъ, будучи перенесены во Францію, новыя идеи, чрезъ посредство французскаго языка и французской литературы, стали распространяться по всей Европѣ. Первымъ распространителемъ этихъ идей во Франціи и другихъ странахъ

былъ Вольтеръ (1694—1778). Познакомившись съ учениемъ английскихъ деистовъ и моралистовъ, онъ распространялъ это учение во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ и, проповѣдуя естественную религію разума, вмѣстѣ съ тѣмъ съ ожесточеніемъ нападалъ на откровеніе, христіанство и церковь. Въ то же время Монтескье (1689—1755) въ своихъ сочиненіяхъ излагалъ новыя общественныя и политико-государственныя идеи; въ „Духѣ законовъ“ онъ рассмотрѣлъ всѣ существующія формы государственнаго управленія и особенное вниманіе Европы обратилъ на конституціонныя формы этого управленія въ Англіи. Это первый періодъ французской философіи и литературы. Второй дальнѣйшій періодъ ея составляетъ учение энциклопедистовъ, во главѣ которыхъ стояли Дидро и Даламберъ. Въ своемъ энциклопедическомъ словарѣ „Encyclopedie, ou Dictionnaire raisonné des Sciences, des Arts et des Metiers“ (первые два тома вышли въ 1751 и 1752 г.) они стремились всѣ новыя идеи религіозныя, научныя и политическія перевести изъ книгъ и круга ученыхъ людей во всѣ классы общества, и распространить такимъ образомъ повсюду, способствовать практическому ихъ примѣненію въ жизни. Самыми характерными сочиненіями Дидро (1713—1784), послѣдовательно представляющими сначала скептическое, а потомъ матеріалистическое и атеистическое его ученіе, надобно признать „Философскія мысли“, „Письма о слѣпыхъ“, „Письма о глухихъ и нѣмыхъ“, „О матеріи и движеніи“, „Размышленія о книгѣ о Духѣ“ и наконецъ „Разговоръ между Даламберомъ и Дидро“ и „Сонъ Даламбера“, самое обширное и самое смѣлое изложеніе его чистаго матеріализма и атеизма. Даламберъ (1717—1783) былъ математикъ и въ то же время занимался философіей. Какъ математикъ, онъ извѣстенъ преимущественно „трактатомъ о динамикѣ“; какъ издатель Энциклопедіи, онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе своимъ знаменитымъ „Предисловіемъ къ Энциклопедіи“ (Discours préliminaire), въ которомъ онъ представилъ новую систему челоувѣческихъ познаній или новую классификацію наукъ, на основаніи ихъ современнаго развитія, опредѣливъ мѣсто и значеніе каждой науки, ея предѣлы и отношеніе въ другимъ наукамъ. Къ Дидро и Даламберу примыкало множество ученыхъ и писателей того времени. Одни изъ нихъ принимали непосредственное участіе въ Энциклопедіи и помѣщали въ ней свои статьи; другіе же, хотя не помѣщали въ ней своихъ статей, но, воплѣ принимая идеи и вообще ученіе ея издателей, содѣйствовали ихъ распространенію своими отдѣльными книгами и сочиненіями. Изъ нихъ особенную извѣстность приобрѣли: Гольбахъ (1723—1789), своимъ сочиненіемъ „Система природы“ (Systeme de la Nature), въ которой излагается система чистаго матеріализма; Гель-

вещи (1715—1771) своей книгой „О духѣ“ (Sur l'Esprit), которая заключаетъ ученіе объ эгоизмѣ, какъ главномъ основаніи и источникѣ всѣхъ побужденій, стремленій и дѣйствій человѣческихъ; Ламетри (1709—1751) своими сочиненіями: „Естественная исторія души“ (Histoire naturelle de l'Âme) и „Человѣкъ машина“ (L'homme machine), въ которыхъ проповѣдуется, что настоящее счастье человѣка заключается въ чувственномъ наслажденіи; Морелли своей книгой „Основной законъ или уставъ природы“ (Code de la nature), въ которой излагается ученіе, что человѣкъ отъ природы добръ, а испортили его только превратныя ученія и учрежденія; что улучшение и совершенное блаженство могутъ быть достигнуты только устраненіемъ собственности и государственной морали, основанной на себялюбіи; что основу новаго общества должны составлять общность имущества, трудъ для общества, общественное воспитаніе и безграничное равенство всѣхъ (сочиненіе это долго, но несправедливо приписывалось Дидро). Но въ то время, какъ Вольтеръ, Дидро и энциклопедисты, раскрывая всѣ недостатки и злоупотребленія во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности, и полагая главный ихъ источникъ въ невѣжествѣ, громко и настойчиво требовали полнаго и повсюднаго господства разума и просвѣщенія, Руссо началъ доказывать, что современное просвѣщеніе, современныя науки и цивилизація имѣютъ такое превратное и гибельное направленіе, что могутъ подавать только поводъ къ самымъ сильнымъ возраженіямъ противъ всякаго просвѣщенія, науки и цивилизаціи, что вообще, чѣмъ больше человѣкъ учится и развивается, тѣмъ болѣе портится въ нравственномъ отношеніи и становится несчастнѣе въ жизни, что единственное средство для того, чтобы уничтожить зло, или положить конецъ испорченности, заключается въ томъ, чтобы возвратиться къ природѣ, къ простымъ и естественнымъ принципамъ первоначальныхъ человѣческихъ обществъ, когда еще не было ни науки, ни искусства, ни богатства, ни роскоши, но не было и испорченности нравовъ. Такія мысли были изложены Руссо въ первомъ его сочиненіи, написанномъ въ отвѣтъ на вопросъ Дижонской Академіи: „Способствовало ли возстановленіе наукъ и искусствъ исправленію нравовъ“. Съ большою силою и подробностію онъ развилъ ихъ въ послѣдовавшихъ за нимъ сочиненіяхъ: „О причинахъ неравенства между людьми“ и „Общественномъ договорѣ“. Въ сочиненіи „О причинахъ неравенства между людьми“, поставляя самымъ вреднымъ слѣдствіемъ образованія то, что оно, возвышая таланты и знанія, распространило неравенство между людьми, онъ признаетъ это неравенство корнемъ всѣхъ золъ; изъ неравенства, по его словамъ, произошло богатство, изъ богатства роскошь и

праздность, изъ роскоши и праздности искусство и науки и т. д. Выходить, что всякое неравенство между людьми есть слѣдствіе ихъ испорченности и что испорченность возникаетъ въ слѣдствіе образованія и общественнаго развитія, которыя, развивая способности людей и совершенствуя ихъ разумъ, въ тоже самое время портятъ ихъ, такъ что, по его мнѣнію, въ каждомъ чловѣкѣ, степень его испорченности соразмѣрна степени его образованія. Такія идеи привели Руссо къ совершенно новому плану государственнаго устройства, на началахъ простоты и естественности и абсолютной свободы, братства и равенства, который онъ и представилъ въ Общественномъ договорѣ (*Contrat social*). Характеръ этого сочиненія чисто демократическій; основная его идея — мысль о верховномъ правѣ народа; изъ каждой строки его слышатся столь роковыя въ послѣдствіи слова *liberté, fraternité, égalité*. Чтобы сдѣлать понятнѣе всѣ свои идеи и провести ихъ во всѣ классы общества, Руссо написалъ два романа: „Юлія, или новая Элоиза“ и „Эмилъ, или о воспитаніи“. Последнее сочиненіе получило чрезвычайно важное значеніе, потому что въ немъ были представлены критика современнаго воспитанія и образованія, домашняго и школьнаго, и въ замѣнъ его теорія новаго воспитанія на началахъ простоты, естественности и свободы, а въ послѣдней части, противъ ученія материалистовъ и атеистовъ, было изложено ученіе Руссо о религіи и религіозномъ чувствѣ, о вѣрѣ въ Бога и безсмертіе души (*Profession de foi du vicairé savouyard*). Время Руссо составляетъ третій періодъ французской философіи, когда ея идеи изъ книгъ начали переходить въ народъ и прилагаться къ жизни въ разныхъ ея сферахъ.

Мы замѣтили, что быстрому распространенію идей новой философіи всего больше содѣйствовали во Франціи издавна развившіеся и въ это время особенно усилившіеся разные недостатки и нестроенія во всѣхъ сферахъ жизни. Въ сферѣ религіозной и церковной господствовали грубое суевѣріе въ народѣ и страшный фанатизмъ и нетерпимость католическаго духовенства, выразившіеся въ ожесточенныхъ религіозныхъ спорахъ, въ преслѣдованіяхъ протестантовъ и яansenистовъ; въ области государственной, при неограниченномъ деспотизмѣ власти, возмутительныя злоупотребленія чиновниковъ и нестерпимый гнетъ бѣдныхъ и слабыхъ, со стороны богатыхъ и сильныхъ; въ общественной и частной жизни поражали страшная испорченность нравовъ и открытый развратъ. Очень понятно, что ученіе философіи, которая объявила протестъ противъ такой испорченности и такихъ злоупотребленій и обѣщала вывести чловѣчество на новый лучшій путь, принято было съ восторгомъ. Въмѣсто религіознаго фа-

натизма, философія проповѣдывала вѣротерпимость, свободу совѣсти и разумное отношеніе къ предметамъ вѣры; въ области государственной, вмѣсто деспотизма и абсолютизма, новыя разумныя начала власти, новыя гуманныя отношенія между правителями и управляемыми, новыя законы о преступленіяхъ и наказаніяхъ; во всю жизнь общественную и частную стремилась внести принципы свободы, братства и равенства между людьми. Руссо возсталъ противъ роскоши, извѣженности, испорченности нравовъ. Явилась новая наука о воспитаніи, основанная на началахъ свободы, простоты и естественности. Эта наука обѣщала перевоспитать человѣчество и создать новую породу людей, свободную отъ прежнихъ суевѣрій, предрасудковъ и пороковъ. Очень понятно, что такія идеи и стремленія философіи были приняты съ увлеченіемъ всѣми людьми, которые были недовольны существующимъ порядкомъ; за нихъ съ жаромъ ухватились и всѣ государственныя лица и правители въ Европѣ и начали совершать по нимъ разныя реформы. Таковы были въ Пруссіи Фридрихъ В., въ Австріи Іосифъ II, въ Швеціи Густавъ III, у насъ въ Россіи Екатерина. Очень понятно, что и самый вѣкъ, въ который явились и стали распространяться такія идеи и стремленія, былъ названъ вѣкомъ просвѣщенія, вѣкомъ философскимъ.

Но вѣкъ просвѣщенія не оправдалъ тѣхъ великихъ надеждъ, какія на него возлагали. Между идеями философіи и дѣйствительною жизнію оказалось безмѣрное разстояніе и непроходимая бездна. Оказалось, что идея, какъ отвлеченное понятіе, еще далеко не вещь, что нѣкоторыя новыя идеи, напр. объ абсолютной свободѣ и равенствѣ между людьми, какъ составленныя путемъ теоріи, отвлеченно отъ дѣйствительности, совсѣмъ и неприложимы въ дѣйствительности; другія же идеи, переходя въ дѣйствительность, подъ вліяніемъ невѣжества или злонамѣренности, разныхъ страстей, интересовъ и другихъ условій жизни, совершенно измѣняются и получаютъ совсѣмъ нежелательное направленіе и неблагоприятный исходъ, что часто изъ хорошей, самой по себѣ, идеи могутъ произойти самыя дурныя дѣла. Изъ высокой идеи вѣротерпимости, при неправильномъ ея пониманіи, развивается индифферентизмъ, или совершенное безразличіе въ вѣрованіи, а потомъ и совершенное равнодушіе ко всякому вѣрованію и ко всякой религіи. Изъ идеи разумнаго отношенія къ предметамъ вѣры, которое сначала совершенно справедливо проповѣдывалось, какъ необходимое средство противъ религіознаго фанатизма и разныхъ суевѣрій, а потомъ вышло изъ разумныхъ границъ и было перенесено на предметы Откровенія, совершенно недоступныя для разума, образовался деизмъ, или естественная

религія разума, которая и была поставлена на мѣсто христіанскаго откровенія; изъ деизма же скоро развились матеріализмъ и атеизмъ. Сначала философія справедливо возставала противъ разныхъ суевѣрій, вкравшихся въ область религіи, а потомъ уже совершенно несправедливо стала говорить, что и вся религія вообще есть выдумка жрецовъ, или обманъ государей, захотѣвшихъ посредствомъ ея обуздывать своихъ подданныхъ. Вольтеръ, проповѣдуя религію разума, съ ожесточеніемъ, въ тоже время, нападалъ на откровеніе, христіанство и церковь. Но если Вольтеръ былъ деистъ и хотя отвергалъ всякую положительную религію, однако же допускалъ бытіе Бога, говорилъ, что если бы не было Бога, то его необходимо было бы выдумать, и находилъ нужнымъ, хотя въ видахъ политическихъ, признавать безсмертіе души, то Дидро и энциклопедисты проповѣдывали уже чистый матеріализмъ и атеизмъ. Дидро положительно отвергалъ личнаго Бога и личное безсмертіе души. Въ душѣ человѣка онъ видѣлъ только возвышеніе и усовершеніе постоянно волнующагося смѣшенія матеріи. „Если вѣра учитъ насъ, говорилъ онъ, какъ всѣ живыя существа вышли изъ рукъ Творца, то философъ, предоставленный своимъ собственнымъ догадкамъ, долженъ былъ бы скорѣе составить себѣ убѣжденіе, что природа (animalité) отъ вѣка имѣла свои особенныя элементы, которые соединялись между собой, потому что это соединеніе лежало въ ихъ возможности, что зародышъ, происшедшій изъ этихъ элементовъ, прошелъ потомъ чрезъ множество образованій и формъ, и наконецъ, переходя различныя ступени, возвысился до движенія, ощущенія, мышленія, страсти, до языка, права, науки и искусства, какъ нѣкогда онъ, можетъ быть, пройдетъ еще другія до сихъ поръ неизвѣстныя развитія“. Во всемъ мірѣ Дидро видѣлъ только постоянное измѣненіе матеріи, безконечное круговое движеніе жизни. „Какъ въ каждомъ атомѣ происходитъ безустанное движеніе, такъ тоже постоянное броженіе происходитъ и въ другомъ атомѣ, называемомъ землей.... Все мѣняется, но цѣлое остается и неизмѣняется... Что говорите вы объ индивидуумахъ? Ихъ нѣтъ. Есть одинъ только великій индивидуумъ, это — вселенная. Въ этой вселенной какъ въ машинѣ или въ какомъ нибудь живомъ существѣ есть различныя части, которыя вы называете такъ или иначе, но если вы даете этимъ отдѣльнымъ частямъ названіе индивидуума, то это такъ же фальшиво, какъ если бы вы у птицы назвали индивидуумомъ крыло, или одно перо изъ крыла“.—Гольбахъ въ своей „Системѣ природы“ говорилъ: „Въ мірѣ не существуетъ ничего, кромѣ вѣчной, самой собою существующей матеріи и ея движенія. Все отъ нея происходитъ и все въ нее возвращается; вездѣ господствуетъ строгая необходимость,

вѣшній механизмъ. То, что люди называютъ душой, умираетъ вмѣстѣ со смертію тѣла, точно такъ, какъ прекращается музыка, когда струны лопнутъ“. Воспитанникъ Кондильяка, Гельвеціусъ, принявшій его ученіе объ ощущеніи, какъ единственномъ источникѣ познанія, доказывалъ въ своей книгѣ „О духѣ“, что началомъ и основаніемъ всѣхъ дѣйствій человѣческихъ служитъ эгоизмъ. „Такъ какъ все, говоритъ онъ, происходитъ отъ ощущенія, то одно себялюбіе и личная выгода есть двигатель всѣхъ нашихъ сужденій и поступковъ. Польза и выгода составляютъ въ мірѣ нравственномъ основаніе всѣхъ измѣненій, какъ движеніе въ мірѣ физическомъ“. Атеизмъ и матеріализмъ неизбѣжно должны были повести къ совершенному отверженію всякихъ началъ нравственности и къ жизни чисто чувственной. Лучшимъ доказательствомъ этого могутъ служить сочиненія Ламетри „Естественная исторія души“ и „Человѣкъ машина“, въ которыхъ, вмѣстѣ съ самымъ крайнимъ матеріализмомъ, проповѣдуются чувственная жизнь и паглый развратъ. „Высшее, чего можетъ достигнуть человѣкъ, по мнѣнію Ламетри, есть только чувственное наслажденіе. Такъ какъ мнимая духовность человѣка есть въ сущности тѣлесность, то мы прежде всего должны стремиться къ тѣлесному счастью.... Истинная философія знаетъ только временное блаженство; она разбрасываетъ на нашемъ пути розы и цвѣты; добродѣтель и честность чужды нашей природѣ; это украшеніе, но не основаніе нашего счастья (1)“. Такимъ образомъ вся мудрость человѣческая сводится къ искусству наслаждаться жизнью.—Руссо возсталъ противъ ученія матеріалистовъ и атеистовъ, противъ испорченности и развращенія нравовъ; но, защищая религіозное чувство и вѣру въ Бога, онъ въ тоже время отвергалъ откровеніе и всякую положительную религію; въ ученіи же о государствѣ, какъ мы замѣтили выше, доходилъ до совершеннаго отрицанія всего государственнаго строя. Возставъ противъ роскоши и распущенности нравовъ, онъ проповѣдывалъ возвращеніе къ дикимъ временамъ, когда не было ни науки, ни искусства, ни цивилизаціи. „Состояніе общественности и государственности между людьми неестественно, развитіе духовныхъ даровъ и способностей вредно, и состояніе физическаго довольства, не нарушаемаго даже мыслию о какихъ нибудь духовныхъ потребностяхъ, есть самое нормальное состояніе и всякое удаленіе отъ такого состоянія портитъ человѣка и дѣлаетъ его несчастнымъ“ — вотъ какіе выводы дѣлало изъ первыхъ сочиненій Руссо тогдашнее недовольное и озлобленное на существующій порядокъ поколѣ-

(1) Истор. литер. Геттнера II, 233; 240; 242; 290; 292—293.

ніе; а парадоксальныя идеи Руссо въ „Общественномъ договорѣ“ объ абсолютной свободѣ и верховномъ правѣ народа производи-ли еще болѣе разрушительное дѣйствіе въ умахъ и сдѣлались однимъ изъ самыхъ сильныхъ возбужденій къ революціи.

Такимъ образомъ, философія XVIII в., начавъ съ искорененія злоупотребленій и недостатковъ въ разныхъ сферахъ жизни, не остановилась на этомъ, но скоро перешла къ отрицанію самихъ, издавна установившихся, формъ жизни. Но если въ разныхъ сферахъ человѣческой жизни, религіозно-нравственной, ученой, государственной, накопилось въ теченіе многихъ вѣковъ множество злоупотребленій и недостатковъ, то отсюда слѣдовало только то, что необходимо очистить ихъ отъ этихъ недостатковъ, но никакъ не слѣдовало необходимости уничтожить самыя эти сферы, отвергнуть религію, науку и государство. И религія, и наука, и государство произошли изъ необходимыхъ существенныхъ потребностей природы человѣка; онѣ не навязаны насильно человѣку, а созданы имъ же самимъ. Философія просвѣщенія не ограничилась одною просвѣтительною ролью. Философы не захотѣли быть просто свободными мыслителями, а стали деспотически распространять свое ученіе. Начавъ свою философскую миссію проповѣдью о вѣротерпимости и протестомъ противъ фанатизма, они доходили въ нихъ такъ же до сильнаго фанатизма и нетерпимости. Вольтеръ и энциклопедисты преслѣдовали христіанское ученіе съ такимъ же ожесточеніемъ и нетерпимостію, съ какими въ средніе вѣка преслѣдовали разныя ереси. Упрекая католичество за то, что оно хочетъ властвовать во всемъ мірѣ, философія сама захотѣла занять его мѣсто и стремилась такъ же сдѣлаться всемірною религіею. Философія, конечно, оказала великую услугу тѣмъ, что раскрыла множество злоупотребленій и недостатковъ; но, преслѣдуя эти злоупотребленія и недостатки, она не щадила ничего важнаго и священнаго и одинаково нападала на истины и авторитеты на томъ только основаніи, что это старыя истины и старыя авторитеты. Особенно такой разрушительный характеръ имѣла дѣятельность Вольтера, который безпощадно преслѣдовалъ все, что не подходило подъ его взрѣнія. Въ сочиненіяхъ всѣхъ великихъ дѣятелей въ наукѣ, искусствѣ, литературѣ и политикѣ, которымъ человѣчество до сихъ поръ приписывало авторитетъ, было много ошибокъ, которыя въ послѣдствіи, естественно, и открылись; но Вольтеръ, раскрывая эти ошибки, всегда старался поставить вопросъ такъ, что уничтожалъ всякій авторитетъ, возбуждалъ недовѣріе ко всякому авторитету. „Имѣя дѣло только съ фактами, говоритъ Шлоссеръ, оцѣнивая такую дѣятельность Вольтера, мы не станемъ здѣсь доказывать, что возбужденіе недовѣрія къ наставни-

камъ челоѣчества не можетъ совершаться безъ величайшей опасности для нравственности цѣлой націи, что хотя скептическое воззрѣніе Вольтера на жизнь всегда и во всякое время составляетъ необходимую принадлежность высшихъ сословій, однако, перейдя изъ книгъ и салоновъ въ гражданскую жизнь и народную массу, оно немедленно обращается въ страшную язву, которая отравляетъ всѣ элементы жизни“⁽¹⁾.

Такимъ образомъ вполне понятно становится та судьба философіи XVIII в., на которую мы указали выше. Гуманныя идеи и протестъ противъ современныхъ заблужденій, которыми эта философія заявила себя съ самаго начала, вызвали всеобщее къ ней сочувствіе; но отрицаніе всѣхъ основныхъ началъ жизни, на которыхъ, зиждутся всѣ упованія, счастье и спокойствіи, челоѣка, отрицаніе, къ которому она пришла въ послѣдствіи, естественно, должно было возбудить противъ нея гоненіе. Совершенно понятно, что какъ въ Европѣ, такъ и у насъ, тѣже самыя лица, которыя сначала увлекались идеями этой философіи и старались распространять ихъ въ обществѣ, потомъ не только отреклись отъ нея, но и дѣлались ея гонителями, что импер. Екатерина, почти первая въ Россіи познакомившаяся съ ученіемъ энциклопедистовъ, совершенно перемѣнила взглядъ на нихъ, что многіе русскіе писатели, сначала увлекавшіеся этимъ ученіемъ, объявляли противъ него громкій протестъ. Это началось особенно тогда, когда событія французской революціи показали, къ какимъ ужаснымъ послѣдствіямъ ведетъ разрушающее всѣ основы жизни ученіе новой философіи. „Ничто такъ не вредитъ правильности свободнаго развитія челоѣческихъ обществъ,—говоритъ нашъ историкъ Соловьевъ, противопоставляя разрушительной дѣятельности Вольтера и другихъ писателей отрицательнаго направленія умѣренность и сдержанность требованій Монтескье въ „Духъ законовъ“,—какъ революціонныя требованія, пугающія не только правительства, но и народное большинство, заставляющія его опасаться за самыя существенныя интересы общества: челоѣкъ убѣжденъ въ необходимости выйти изъ дому подышать чистымъ и свободнымъ воздухомъ; но испуганный ревомъ бури, ливнемъ и холодомъ, спѣшитъ затворить окна и предпочитаетъ остаться въ душной атмосферѣ своей тѣсной комнаты“⁽²⁾.

(1) Истор. XVIII и XIX стол. Спб. 1858. II, 332.

(2) Истор. Россіи XXVI, 212.

**Народность и другіе элементы въ литературѣ Екатери-
нинской эпохи.** При стремленіи къ усвоенію современныхъ идей европейскаго просвѣщенія, эпоха Екатерины была въ тоже время эпохою развитія національнаго сознанія. Национальное сознаніе русскихъ людей довольно рѣзко заявило себя уже въ прежнее царствованіе импер. Елисаветы, какъ въ политивѣ самой императрицы, такъ и въ патріотическихъ стремленіяхъ Ломоносова, Шувалова, Сумарокова и другихъ русскихъ дѣятелей; но, будучи вызвано ближайшимъ образомъ внѣшними обстоятельствами и преимущественно преобладаніемъ нѣмецкой партіи при дворѣ и притѣсненіями русскихъ со стороны иностранцевъ въ разныхъ правительственныхъ сферахъ, оно и выражалось, за немногими исключеніями, больше такъ же внѣшнимъ образомъ, въ борьбѣ съ иностранцами за русскіе интересы. Въ царствованіе же Екатерины національныя стремленія получаютъ твердую почву и разумную основу. Болѣе близкое знакомство съ европейскою цивилизаціей показало, что изъ нея нельзя брать все безъ разбора, что весьма многое въ учрежденіяхъ, нравахъ и обычаяхъ каждаго европейскаго народа образовалось изъ чисто національныхъ потребностей и развилось путемъ историческимъ и слѣдовательно не можетъ быть свойственно вполнѣ русскому народу, воспитавшемуся при другихъ національныхъ и историческихъ условіяхъ, что и въ Европѣ есть такъ же много сторонъ нехорошихъ, заблужденій и пороковъ и вообще много такого, отъ чего хотѣли бы освободиться сами европейцы. Между тѣмъ, большинство русскихъ людей, понявъ европейскую цивилизацію чисто внѣшнимъ образомъ, на эти стороны и обратило свое вниманіе и вмѣсто желаемого просвѣщенія въ Россіи усиливалось лжепросвѣщеніе, которое, по своимъ вреднымъ послѣдствіямъ, казалось хуже древняго русскаго невѣжества. Вредныя послѣдствія такого иеземнаго вліянія должны были возбудить въ русскихъ людяхъ вопросъ о правильномъ и разумномъ усвоеніи европейскаго просвѣщенія, сообразно съ народнымъ характеромъ и народными потребностями. Сознали необходимость основательно изучить какъ современную жизнь русскаго народа, такъ и его прошлую исторію. Это сознаніе въ наукѣ выразилось въ ученыхъ путешествіяхъ по разнымъ областямъ Россіи, съ цѣлію всесторонняго ихъ изученія; въ изданіи лѣтописей и другихъ историческихъ памятниковъ; въ сборникахъ произведеній народной словесности; въ учрежденіи отдѣльной россійской Академіи, съ цѣлію составленія полнаго словаря русскаго языка и грамматики; въ литературѣ—во множествѣ литературныхъ произведеній въ народномъ